

В.В. Жарков

Воинская дисциплина в Красной Армии

Вопросы укрепления воинской дисциплины в Красной Армии всегда находились в поле зрения военно-политического руководства СССР. На I Всеармейском совещании секретарей партийных ячеек (февраль-март 1925 г.) отмечалось, что неустанная работа по укреплению и поднятию дисциплины является основной задачей всех партийных организаций армии.

В 1925 г. вводится в действие Временный устав внутренней службы РККА, Временный устав внутренней службы РККА, Временный устав дисциплинарной службы РККА и Временный устав гарнизонной службы.

После выхода Временного дисциплинарного устава Реввоенсовет СССР в циркулярном письме 13 октября 1925 г. потребовал, чтобы этот устав объединил политические и судебно-контрольные органы на укрепление дисциплины [1].

Борьбу за укрепление воинской дисциплины в рассматриваемый период можно разделить на два этапа:

1. До середины 1930-х годов – борьба со всеми видами нарушений воинской дисциплины;

2. 1935 – 1939 гг. – борьба с политически ненадежными военнослужащим, «врагами народа».

К.Е. Ворошилов произнося речь на торжественном заседании по случаю выпуска красных командиров (10 сентября 1926 г.) о состоянии воинской дисциплины заявил: «Мы, наблюдаем, перегибы дисциплинарной политики, мы наблюдаем неумелый подход командира к красноармейцу. В одном случае командир слишком панибратствует с красноармейцем и тем самым дает повод последнему не уважать, не слушать, не понимать приказаний, создавать разгильдяйство в части. С другой

стороны мы имеем такие зажимы и прижимы, такие неумелые распоряжения, неумелое пользование своей властью командира, которые рикошетом бьют по командиру и по всей армейской работе» [2].

Начиная, с конца 20-х годов в сводках и политдонесениях стали встречаться сообщения о больших количествах дисциплинарных нарушений. В особенности в данный период стал заметен рост коллективных нарушений и всяческого рода протестов (голодовок).

Если в 1927 – 1928 гг. было 25 случаев голодовок, то за зиму 1929 г. 69 случаев [3]. При анализе данных цифр можно с уверенностью сказать, что в армии с каждым годом увеличивалось недовольство проводимыми военно-политическим руководством страны мероприятиями.

В Политдонесении Политического управления МВО за 1929 г. говорилось: «Коллективные нарушения дисциплины и отказ от пищи имеют в своей основе недостаточное и несвоевременное изучение настроений красноармейцев, небрежное отношение начсостава к нуждам последних» [4].

В 1927 – 1928 гг. число коллективных нарушений в Красной Армии составило 442 случая, а 1928 – 1929 гг. 449 случаев. Основными причинами данных нарушений воинской дисциплины стали:

во-первых, хозяйственно-бытовые недочеты и недочеты работы начсостава – 61,8% и 62,5% соответственно;

во-вторых, повышенная требовательность и нежелание подчиняться уставному порядку – 38,2% и 37,5% [5].

Начальником ПУРККА Я.Б. Гамарником 8 января 1931 г. в связи с ростом числа коллективных нарушений

была издана директива, в которой говорилось: «Не ослабляя борьбы с воинскими преступлениями, бюрократизмом и волокитой обратить особое внимание на необходимость усиления судебной репрессии по делам о коллективных нарушениях дисциплины...» [6].

В начале 30-х годов в Красной Армии стал происходить рост нарушений воинской дисциплины. Так, например, за январь-март 1931 г. во всех военных округах было зарегистрировано 522 нарушения, из них:

самоубийств и покушений на самоубийство – 188;

случаев членовредительства – 50;

дезертирства – 189;

коллективных нарушений – 95.

В сводках ПУРККА стала чаще появляться информация о дезертирстве красноармейцев. За ноябрь – декабрь 1931 г. в ряде округов развиваются уклонения от воинской службы, так за данный период по 6-ти военным округам бежало – 112 человек, причем большинство молодые красноармейцы. Так же появились сообщения о побегах за границу. В 1931 г. 6 случаев (8 участников), а в 1930 г. 2 случая (2 участников). Из них в: Польшу – 2; Румынию – 3; Турцию – 1; Афганистан – 2 человека [7].

Перед руководством РККА встала проблема укрепления воинской дисциплины, которая находилась в очень печальном состоянии. Выступая на совещании политсостава в августе 1937 г., начальник Политического управления РККА П.А. Смирнов отметил, что «элементы растерянности захватили некоторую часть руководителей, которые потеряли волю и выпустили вожжи из рук. Есть некоторый упадок дисциплины, много происшествий, аварий, самоубийств, поджогов увечья людей... Число дисциплинарных проступков очень велико. С 1 января 1937 г. по 1 мая 1937 г. мы имеем здесь астрономическую цифру – 400 тыс...».

Нарком обороны К.Е. Ворошилов, выступая на Всеармейском совещании

политработников РККА в апреле 1938 г., констатировал: «Слишком много у нас происходит безобразий с нашей, так называемой, дисциплинарной практикой. Товарищ Голиков сообщает здесь, что у них 80 тыс. взысканий было за год. Это умопомрачительная цифра, про нее, кроме этого зала и говорить нельзя – очень позорна эта цифра» [8].

Массовые репрессии среди личного состава РККА нашли свое отражение в морально-психологическом состоянии военнослужащих.

Преобладающими видами нарушений, по мнению начальника ПУРККА Л.З. Мехлиса являлись: перепалки с начальниками, нарушение строевого устава, уставов внутренней и караульной службы, небрежное отношение к сбережению оружия и боеприпасов, самовольные отлучки и дезертирство. Также он отмечал: «В нашу повседневную практику глубоко вкоренился ложный демократизм. Ни одна уважающая себя армия не позволит, чтобы начальник и подчиненный называли друг друга на «ты». У нас же вне службы обращение между начальником и подчиненным на «ты» широко распространено и не запрещается. Коммунисты и комсомольцы, а вслед за ними и беспартийные, на собраниях, вне службы часто обращаются друг к другу, независимо от служебного положения, на «ты». Это снижает требовательность между начальником и подчиненным, культивирует панибратство, от которого лишь один шаг к нарушениям дисциплины и служебного долга. Все эти проявления ложного демократизма идут в разрез с задачами насаждения советской воинской дисциплины. Их нельзя терпеть в гражданских организациях, а тем более в военных» [9].

Одной из причин увеличения нарушений дисциплины в армии стало распространение пьянства, которое до середины 30-х годов в сводках ПУРККА встречалось в несколько раз реже. Так в Политдонесении Политического управления МВО отмечалось:

«Значительное усиление пьянства красноармейцев и в особенности комсостава, проходящего часто при участии членов партии и имеющих в большинстве случаев безобразные формы, говорит о недостаточной работе по устранению этого явления» [10].

В связи с распространением данного позорного явления нарком обороны в декабре 1938 г. был вынужден издать специальный приказ «О борьбе с пьянством в РККА».

Начальник ПУРККА Л.З. Мехлис, выступая на Военном совете в ноябре 1938 г., призвал: «Надо покончить с пьянством среди командно-политического состава. Мы не можем терпеть в своих рядах безнадежных пьяниц, позорящих РККА. Ответственные командиры должны быть примером в этом отношении» [11]. В связи с этим было принято решение развернуть пропаганду по вопросам санитарии и гигиены, указывая, что «хорошо поставленная санитарная пропаганда окажет большую помощь в борьбе с пьянством, за физическую выносливость, ловкость и сноровку» [12].

В 1939 г. при инспектировании 3 корпуса ПВО было выявлено: в 339 полку за 4 месяца 8 пьянок с дебошем; в прожекторном полку за 10 месяцев отмечено 45 случаев пьянства и пьянства с дебошем – 8 случаев; в полку ВНОС – за 9 месяцев 12 пьянок; в 252 артиллеристском полку за 8 месяцев – отмечено 32 случая пьянок [13]. Все эти цифры позволяют с уверенностью сказать, что проведенные мероприятия по борьбе с пьянством результатов не дали.

В докладе начальника ПУРККА Центральному комитету ВКП(б) от 23 мая 1940 г. говорилось: «Пьянство продолжает оставаться бичом армии. Особенно безобразные формы принимает пьянство среди начсостава. Командир не считает зазорным появляться в пьяном виде на улице, в парке, театре и кино, что непонятно населению, предъявляющему высокие требования к Красной Армии и ее начсоставу. В рестора-

нах не редко пьют водку рядом сидящие начальники и красноармейцы» [14].

В сводках ПУРККА чаще стали встречаться донесения о самоубийствах и покушениях на самоубийства, так по докладу Главного военного прокурора РККА число самоубийств и покушений на самоубийства в 1938 г. возросло и составило 832 случая, а в 1937 г. их было 782 [15]. И с каждым годом продолжался их рост. Так, в 1939 г. число самоубийств достигло 1171.

Военно-политическим руководством страны было принято решение об изучении данной проблемы. ПУРККА проведя анализ, определило причины роста количества самоубийств и покушений на самоубийства: «Борьба с самоубийствами в РККА ведется недостаточно. В особенности недостаточна работа и борьба с этим явлением со стороны партийных организаций. Парторганизации не знают настроения отдельных партийцев, их личных переживаний и волнующих вопросов. Недостаточна работа политаппарата по охвату общественным и политическим влиянием всех военнослужащих, в частности, недостаточно политико-просветительное обслуживание внеслужебного быта начсостава и его семей» [16].

Однако встречались случаи утверждения того, что главные причины лежат не в Красной Армии, а за ее пределами. Так, в резолюции Военно-политического совещания 7-го стрелкового корпуса по докладу прокурора корпуса о самоубийствах за 1928-1929 гг. было записано: «Военно-политическое совещание, признает, что общие причины, предрасполагающие к самоубийству, лежат за пределами Красной Армии и требуют серьезного изучения» [17].

По большому количеству самоубийств выделялся Московский военный округ. Основная причина самоубийств была связана с недочетами работы отдельных парторганизаций и отдельных лиц начсостава, а также связа-

на с бюрократическими извращениями, невнимательным отношением к повседневным нуждам, к быту и запросам военнослужащих [18].

В апреле 1939 г. Группа Контроля при СНК СССР при изучении причин самоубийств в Киевском особом военном округе выявила, что за первый квартал в округе произошло 25 самоубийств и 15 случаев покушений на самоубийство. Среди причин основными назывались: болезнь, боязнь уголовной ответственности, нечуткое отношение и незаконные действия командиров, морально-бытовое разложение и т.д.

Рост количества чрезвычайных происшествий вызвал появление Приказа Военного совета Киевского особого военного округа № 0105 от 2 июля 1939 г., в котором указывался ряд лиц командного и политического состава виновных в гибели военнослужащих, предаваемых суду военного трибунала. В директиве Политического управления Киевского особого военного округа № 0174 от 3 июля 1939 г. отмечался рост самоубийств в частях и соединениях округа. Ответственность по предупреждению самоубийств возлагалась на командный и политический состав. Но, несмотря на приказы и директивы в частях округа за июль-август месяцы покончили жизнь самоубийством 12 военнослужащих [19].

Однако самое большое число нарушений воинской дисциплины встречались в период ведения боевых действий, здесь стали встречаться новые дисциплинарные проступки (мародерство, барахольство, самочинные расстрелы), которые в мирное время не упоминались.

В определенной мере характеризует состояние воинской дисциплины уголовная статистика. Если всех осужденных военным трибуналом в период боев у озера Хасана (июль-сентябрь 1938 г.) принять за 100%, то доля различных преступлений составит:

побег с поля боя – 35%;

самовольное оставление части – 7%;

нарушение караульной службы – 8%;

неисполнение приказа – 5%;

халатность и злоупотребления – 14%;

контрреволюционная агитация – 9%;

прочие дела – 22%.

Из них к расстрелу были приговорены 58%, осуждены на срок от 5 до 10 лет лишения свободы 23%, от 3 до 5 лет – 15%, осуждены условно – 2% и оправданы 2% подсудимых [20].

Результат работы 90-й военной прокуратуры на Халхин-Голе показал, что в армии большие проблемы с дисциплиной. Более 42% всех следственных дел (122 из 290) были заведены по факту членовредительства.

Так, в донесении начальника ПУРККА от 16 июля 1939 г. о ходе боев у реки Халхин-Гол говорилось: «В прибывшей 82 стрелковой дивизии отмечены случаи крайней недисциплинированности и преступности... Личный состав исключительно засорен и никем не изучен, особенно оказался засоренным авангардный полк... В этом полку зафиксированы сотни случаев самострела себе руки» [21].

Этих постыдных действий было значительно больше, что признавалось официально: часть стремящихся таким путем уклониться от боевых действий, просто не была выявлена среди раненых, другая часть, после профилактических дисциплинарных бесед, отправлялась назад в подразделения. С 31 мая по 13 сентября ежедневно военная прокуратура заводила до 17 дел по фактам членовредительства [22].

Кроме того, из 77 человек, побывавших в плену у японцев, было предано суду военного трибунала 36 человек, из них осуждено:

к высшей мере наказания – расстрелу – 4 человека;

на 10 лет лишения свободы – 17 человек;

от 5 до 8 лет – 12 человек;
оправданы – 3 человека [23].

Одним из наиболее распространенных нарушений воинской дисциплины являлись негативные высказывания, как командного состава, так и красноармейцев. Так, в ходе боевых действий на Халхин-Голе встречались следующие высказывания: «Наших бьют, так как никогда не били, уничтожили целую пехотную дивизию, а среди наших командиров оказалось много предателей... не враги ли народа ведут нас сюда, уж больно много их расплодилось» [24].

Встречались случаи позорного бегства с поля боя, в донесении от 16 июля 1939 г. отмечалось: «Полк в первый день боя поддался провокационным действиям и позорно бросил позиции, перед этим предательски попытались перестрелять комполитсостав бойцы этого полка». Не редки были случаи побега с поля боя за границу с оружием. Например, 12 июня 1939 г. водитель машины отдельного противотанкового дивизиона 39-й стрелковой дивизии красноармеец Зимин П.А. совершил побег в Манчжурию с оружием. Перед своим побегом он говорил: «Лучше идти работать, чем заниматься политзанятиями... Сейчас нас кормят, одевают и обувают хорошо. Готовят из нас пушечное мясо» [25]. Всего в донесении ПУРККА отмечалось 31 такой случай.

Одним из положительных моментов стала работа по повышению авторитета командира, в частности младшего командира, составлявшего самую многочисленную часть командного состава. В директиве ПУРККА №103 от 28 сентября 1938 г. подчеркивалось, что воспитание военных кадров, поднятие авторитета командиров, способных в любых условиях принять правильное решение и провести его в жизнь. «Без этого, – говорилось в директиве, – нет, и не может быть дисциплины в Красной Армии» [26].

Для укрепления воинской дисциплины и активизации работы по должно-

му воспитанию личного состава Президиум Верховного Совета СССР 3 января 1939 г. утвердил текст новой присяги и нового положения о порядке ее принятия. Согласно данному положению войны принимали присягу не коллективно, как это было раньше, а индивидуально. Такой порядок повышал личную ответственность каждого военнослужащего за выполнение своих обязанностей [27].

В пропаганде Военной присяги, разъяснении ее значения сделала центральная и окружная печать. На страницах, которых систематически публиковались специальные статьи, консультации ответы на вопросы красноармейцев. Так в газете «За Родину» была выделена рубрика «Беседы о военной присяге», например 8 февраля 1939 г. в статье «Свято блюсти революционную воинскую дисциплину» было напечатано: «Принимая военную присягу на верность Советской Родине, своему народу и Рабоче-Крестьянскому правительству, воин Красной Армии поклянется быть дисциплинированным, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников. Красная Армия является единственной в мире, в которой дисциплина является сознательной вытекающей из характера и природы нашей армии, из служения нашего красноармейца и командира кровным интересам своего великого народа» [28].

Для пропаганды присяги были выпущены специальные лозунги: «Кто не помогает всецело и беззаветно Красной Армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник», «Воин Рабоче-Крестьянской Красной Армии всюду должен давать пример дисциплины, организованности и культурности» [29].

В «Красной звезде» от 11 января 1939 г. был напечатан текст песни Лебедева-Кумача «Песня о присяге». ПУРККА рекомендовало напечатать данную песню во всех окружных и дивизионных газетах [30].

Большое внимание уделялось разъяснению личному составу Закона о всеобщей воинской обязанности принятого IV сессией Верховного Совета СССР 1 сентября 1939 г., Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об ответственности за самовольные отлучки и дезертирство».

В Красной Армии сложилась такая ситуация при которой необходимо было срочно принимать меры по укреплению воинской дисциплины. Начальник ПУРККА в своем докладе ЦК ВКП(б) заявлял: «Отрицательно сказывается на дисциплине отсутствие Дисциплинарного устава, отвечающего современным задачам армии. В 1935 г. переиздан Дисциплинарный устав, введенный в 1925 г. за подписью Бубнова. Этот Дисциплинарный устав давно устарел и является прошлым днем Красной Армии» [31].

В связи с этим в октябре 1940 г. вышел новый Дисциплинарный устав. При его составлении были учтены коренные изменения. В нем, следующим образом определялась сущность дисциплины «Советская воинская дисциплина есть знание и строгое соблюдение уста-

новленного в Красной Армии порядка, основанного на законах Советского правительства и воинских уставах, регламентирующих жизнь быт и боевую деятельность войск» [32].

В новом дисциплинарном уставе излагались требования, предъявляемые к каждому военнослужащему, и определялись права и обязанности красноармейцев и командиров (начальников) по укреплению воинской дисциплины.

В предвоенный период произошел всплеск нарушений воинской дисциплины, который был связан:

во-первых, с массовыми репрессиями, которые породили в стране обстановку недоверия, боязни за себя и за жизнь своих родных и близких;

во-вторых, с тем, что командно-принудительные методы приобрели самодовлеющее значение (меры принуждения стали преобладать над методами убеждения);

в-третьих, с неправильной системой воспитательной работы, которая зачастую подменялась политической агитацией и пропагандой решений партии и советского правительства.

Примечания:

1. См.: Берхин И.Б. Военная реформа в СССР (1924-1925 гг.). М.: Воениздат, 1958. С.272-273.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф.74, оп.1, д.143, л.42.
3. Российский государственный военный архив (РГВА), ф.9, оп.29, д.12, л.259.
4. Там же, оп.13, д.644, л.2.
5. Там же, оп.29, д.12, л.258.
6. Там же, д.14, л.19.
7. Там же, оп.36, д.4209, л.2.
8. РГАСПИ, ф.74, оп.2, д.119, л.32.
9. Известия КПСС. 1990. №3. С.200.
10. РГВА, ф.9, оп.13, д.644, л.2.
11. Там же, оп.31, д.246, л.258.
12. Там же, оп.40, д.61, л.279.
13. См.: Там же, оп.33, д.239, л.400-401.
14. Известия КПСС. 1990. №3. С.200.
15. РГВА, ф.9, оп.29, д.433, л.204.
16. Там же, оп.36, д.4206, л.16.
17. См.: Там же, л.108.
18. Там же, л.17.

19. См.: Там же, л.258.
20. Там же, ф.35083, оп.1, д.109, л.218-119.
21. Шишов А.В. Россия и Япония. История военных конфликтов. М. 2001. С.499.
22. РГВА, ф.32113, оп.1, д.73, л.43,46.
23. Там же, ф.9, оп.29, д.505, л.320.
24. Там же, л.255.
25. Там же, д.394, л.116.
26. Там же, д.351, л.45.
27. См.: Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. М.: Воениздат, 1981. С.171.
28. Григорьев М. Свято блюсти революционную воинскую дисциплину//За Родину, 1939. 2 февраля. С.3.
29. РГВА, ф.9, оп.40, д.60, л.30-32.
30. См.: Там же, л.90.
31. Известия ЦК КПСС. 1990. №3. С.201.
32. См.: Партийно-политическая работа. Указ. соч. С.172.